

Г. Я. ГАЛАГАН

## МЕЧТА ПАРАДОКСАЛИСТА

(1876 год)

В двух выпусках «Дневника писателя» 1876 г. читатель встречается с любителем парадоксов — человеком статским, самым мирным, как подчеркивает Достоевский, и незлобивым. Однако в первом из выпусков (апрельском) — почему-то активно защищающим войну.

Первая беседа героя с автором происходит не весной 1876 г., а значительно ранее. Но по какой-то причине вспоминается последним именно в этот момент («...теперь мне припомнилось, как однажды, впрочем уже несколько лет тому, он раз заспорил со мной о войне» — 22, 122). Сопоставление мира и войны (только не «междоусобной, братоубийственной» — 22, 123) в пользу войны как одна из тем будущего «Дневника...» определяется уже в конце 1875 г. В рабочей тетради Достоевского не позднее 6 декабря этого года — запись: «Предрассудок о *мире*. Мечи и плуги (...) Без крови и войны загниет человечество. Разврат. Трусость. Все развратники и роскошники трусы» (24, 72). В конце декабря: «Война, мечи расковать на орала. Ложная мысль. Загниет человечество в этаким мире. Надобен мир по-иному — Христов» (24, 97). Немного позднее, в период работы над окончательным текстом январского выпуска: «*Непременно*. О том, что война лучше теперешнего положения общества» (24, 130).

Эти извлечения из рабочей тетради однозначно говорят об оформлении метафорического мотива гниения как символа духовного разложения. Именно этот мотив и становится опорным в объяснении героем своих воззрений на мир и войну. Автокомментарий Достоевского к «Парадоксалисту» (в связи с критическим отзывом об этом разделе Г. А. Лароша<sup>1</sup>) делает русло этого мотива еще более глубоким: «Не понимаю, как не заметил (Г. А. Ларош. — Г. Г.) иронии в парадоксалисте. Ирония в том, что беречь нечего. Нахмурься, что мир выше и нравственнее. Мир-то выше, а что сладострастнее и жесточе, так на это вы не ответите (...) Язвы мира обличали, а вы довольны, вы правы, вы за мир» (23, 163).

Мотивы язвы и гниения в обличающих мир признаниях героя связаны с собирательным образом пороков: с обретающими права победителей ложной честью, самолюбием, сластолюбием, сладострасти-

<sup>1</sup> См.: Л. [Ларош Г. А.]. Литература и жизнь // Голос. 1876. 19 мая. № 138.

ем, завистью, жестокостью, трусостью («...многие ли (...) устоят перед язвой мира? Ложная честь, самолюбие, сластолюбие захватят (...) их. Справьтесь, например, с такою страстью, как зависть: она груба и пошла, но она проникает в самую благородную душу (...) Кто меряет в наше время душу на душу, христианской меркой? Меряют карманом, властью, силой...» — 22, 124, 125).

Какой бы стороны жизни современного общества (как европейского, так и русского) ни касался любитель парадоксов, его анализ неизменно говорит об одном: современный мир чреват угрозой окончательной замены чести — лицемерием чести, долга — лицемерием долга («Настоящей чести не будет, а останутся формулы. Формулы чести — это смерть чести» — 22, 123—124). Лицемерие, по мысли героя, питает язву духовную, поскольку дает возможность, не разрывая с добродетелью в душе, быть порочным практически.

Тема лицемерия, как и метафорический мотив гниения, заявляет о себе в рабочей тетради Достоевского в декабре 1875 г. (см.: 24, 98), получает развитие в январском выпуске «Дневника...», продолжает жизнь на страницах рабочих тетрадей и позднее. Она сразу оформляется как полемическая по отношению к Франсуа де Ларошфуко, назвавшему лицемерие в одной из своих максим «данью уважения, которую порок платит добродетели».<sup>2</sup>

Метафорические мотивы язвы и гниения и тема лицемерия служат в нравственно-социологическом анализе любителя парадоксов одной и той же цели — заставить читателя почувствовать и понять критический уровень духовной деградации общества. Завершая свой монолог (лишь изредка перебиваемый репликами автора), грядущие последствия этой деградации герой определяет так: «Нет, война в наше время необходима; без войны провалился бы мир<sup>3</sup> или, по крайней мере, обратился бы в какую-то слизь, в какую-то подлую слякоть, зараженную гнилыми ранами...» (22, 126).

Не будем, однако, забывать, что, представляя читателю героя, автор подчеркивает, во-первых, его незлобивость и, во-вторых, обращает внимание еще на одну особенность характера героя (выделяя ее курсивом): любитель парадоксов — *мечтатель*. Поскольку к марту—апрелю 1876 г.—январю 1877 г. относится работа Достоевского над неосуществленным замыслом романа «Мечтатель»,<sup>4</sup> обратимся к нему.

---

<sup>2</sup> См.: Ларошфуко Ф. Мемуары. Максимумы. Л., 1971. С. 167. Тема «Достоевский и Ларошфуко», до сих пор даже не поставленная, — предмет специального исследования.

<sup>3</sup> Это признание любителя парадоксов («без войны провалился бы мир») в «Дневнике писателя» 1876 г. противостоит суждению парадоксалиста «Записок из подполья» (1864) («Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить» — 5, 174).

<sup>4</sup> В марте 1876 г., обдумывая состав апрельского выпуска «Дневника...» и набрасывая варианты его оглавления, Достоевский неизменно включает в этот выпуск (а немного позднее — в майский) раздел «Мечтатель». Ни в апреле, ни в мае такого раздела в «Дневнике...» не появляется. Но, начиная с апрельского выпуска, читатель «Дневника...» встречается с другим лицом — Парадоксалистом-мечтателем. Этот факт позволил Г. М. Фридендеру сделать предположение, что Мечтатель и Парадоксалист либо одно и то же лицо, либо они — психологические двойники (см.: 17, 435—436. Там же см. об эволюции темы «Мечтателя» в наследии Достоевского).

Из ряда мотивов, продумывавшихся Достоевским для дальнейшей работы над образом Мечтателя, выделим один: «Рассказывает, как он мечтал быть Христовым посланником» (17, 9).

В тексте раздела «Парадоксалист» есть две прямые отсылки на текст Священного Писания. Одна — на Книгу пророка Исайи, другая — на Евангелие от Матфея: «Христианство само признает факт войны и пророчесствует, что меч не преидет до кончины мира:<sup>5</sup> это очень замечательно и поражает. О, без сомнения, в высшем, в нравственном смысле оно отвергает войны и требует братолюбия. Я сам первый возрадуюсь, когда раскуют мечи на орала. Но вопрос: когда это может случиться? И стоит ли расковывать теперь мечи на орала?»<sup>6</sup> (22, 124).

Это обращение героя к библейскому тексту в разъяснении хода своей мысли невольно побуждает внимательнее присмотреться к инструментарию его аргументации.

Язва, гниение, лицемерие — вот основные образно-тематические опоры любителя парадоксов. Между тем язва и гниение — устойчивые мотивы метафорической символики Библии. Язва и гниение — кара Божия, символ разложения, предвестия смерти, спасение от которой — в покаянии. «Во что вас бить еще, продолжающие свое упорство? Вся голова в язвах, и все сердце исчахло. От подошвы ноги до темени головы нет у него здорового места: язвы, пятна, гноящиеся раны, неочищенные и необвязанные и не смягченные елеем» (Ис. 1:5—6); «...зависть — гниль для костей» (Притч. Сол. 14:30).

Устойчив этот метафорический символ и в молитвословиях, выражающих чувство покаяния: «Уязвлена душею греховным оружием и ураненна суца многими злыми, врачу душ наших, исцели, яко благодетель, наложив мне лекарства, мудрых заповедей твоих, Человеколюбче!»; «...в разбойническия помыслы впадох, и уязвлен, возсмердехся; Врачу недугующих, даждь ми руку...»; «Весь уязвихся, весь, Христе мой, острупихся, исцели моя гнойныя язвы — страстная угрызения, сушая от греха»; «Боже и Господи многомилостиве, моего сердца очисти язвы, покаяния мне прилагая лечбы...».<sup>7</sup>

Что касается темы лицемерия, вспомним, что именно к лицемерам обращена гневно-обличительная проповедь Христа. И относится она к последним дням Его земного служения. Имеется в виду семикратное «Горе вам» 23-й главы Евангелия от Матфея (ст. 13—15, 23, 25, 27, 29). Вот три стиха из этой проповеди: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам, ибо сами не входите и желающих войти не допускаете»; «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас»; «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды» (Мф. 23:13, 15, 25).

<sup>5</sup> Ср. в Евангелии: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. 10:34).

<sup>6</sup> Ср. в Книге пророка Исайи: «...перекуют мечи свои на орала, и копыя свои — на серпы: не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать (Ис. 2:4).

<sup>7</sup> Триодь постная. М., 1656. Л. 230 об.—232, 301.

Отметим и еще один библейский мотив, связанный с обществом, пораженным духовным гниением: «Пути мира они не знают, и нет суда на стезях их; пути их искривлены, и никто, идущий по ним, не знает мира» (Ис. 59:8). Думается, что сам парадокс сопоставления мирным и незлобивым человеком «теперешнего мира» (22, 124) и войны в пользу последней рождается в непосредственной связи с этим мотивом Книги пророка Исайи.

Теперь мы подходим к ответу на вопрос: почему беседу с героем нескольких лет давности автор вспоминает весной 1876 г.? Для Достоевского «теперешний мир» — достаточно длительное состояние русского общества. Болевые мотивы, связанные с этой проблемой, делает очевидными уже «Дневник писателя» за 1873 г.: нравственное разложение в народной среде, потеря общей руководящей идеи, всеобщее обособление. Это состояние говорило об одном — об отсутствии в русской пореформенной действительности соединяющих начал.<sup>8</sup>

Между тем именно эти начала дали жизнь русской идее всемирного общечеловеческого единения.<sup>9</sup> Их утрата внутри нации ставила под сомнение жизнеспособность русской идеи. Эта проблема самым решительным образом предопределила движение творческой мысли Достоевского до лета 1876 г. Раздел «Парадоксалист» «Дневника...» 1876 г. самое тревожное — на этом пути — обращение Достоевского к читателю.

Лето 1876 г. ситуацию разительно меняет. Общерусское движение в защиту славян было воспринято Достоевским как свидетельство краха разединяющих сил: народ отстоял свой нравственный идеал, состояние обособления уже не могло быть названо всеобщим, разрыв между сословием образованным и народом оказался, к счастью, еще не окончательным. В добровольном желании бескорыстной помощи, готовности к жертве даже жизнью Достоевский увидел прежде всего «единение во имя Христовой истины» (23, 103). Это качественно иное восприятие писателем русского общества высечивает июльско-августовский выпуск «Дневника...» 1876 г.<sup>10</sup> И в этом же выпуске вновь появляется любитель парадоксов.

На этот раз беседа автора с героем ведется на европейском курорте с его огромной нарядной толпой. Понятие «современное общество» в первых же фразах героя обретает четкий социальный статус: «фешенебельная» толпа, «сливки» общества (23, 85). Эти определения в июльско-августовском выпуске открывают тему лицемерия как питательной среды духовной язвы и гниения.

Праздной толпе, приехавшей в Эмс лечиться от разных физических недугов, героем ставится общий диагноз:<sup>11</sup> она больна духовно. Как

---

<sup>8</sup> Ср. в Евангелии: «Если царство разделится само в себе, не может устоять царство то; и если дом разделится сам в себе, не может устоять дом тот» (Мк. 3:24—25).

<sup>9</sup> См. об этом: *Галаган Г. Я.* Проблема «лучших людей» в наследии Ф. М. Достоевского. (1873—1876) // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 1996. Т. 12. С. 99—107.

<sup>10</sup> Это ощущение духовного единения внутри русского общества достаточно скоро вновь подверглось у Достоевского сомнению. См.: Там же. С. 106.

<sup>11</sup> Этот диагноз не касается только детей, что героем подчеркивается особо и еще раз свидетельствует о самой тесной связи хода его мысли со Священным Писанием (см. в Еванге-

следствие этого диагноза рождается тема «искусственного сада» (23, 96), в котором «искусственные люди» (Там же) играют «в рай» (23, 85). «Войдите, — обращается любитель парадоксов к автору, — и погрузитесь в эту толпу: на лицах радость, веселие (...) Посмотрите: раздается музыка, люди смеются, дамы одеты так, как, уж конечно, никто не одевался во дни Соломоновы (...) они рядятся, они прекрасны, и выходит действительно точно рай. Да и не всё ли равно: „рай” или „точно рай”?» (23, 86—87).

Эмский парк с его аллеями, музыка и море цветов — своего рода подмостки, на которых дается спектакль. Всех участников герой именует «обществом хорошего тона» (23, 86). Члены его озабочены одним: из последних сил поддерживать иллюзию жизни каждого для всех и всех для каждого. «Хороший тон» в контексте раздела — символ лицемерия, властно и безжалостно бракующего все, что нарушает его гармонию. Красоту духовную он искусно подменяет цветами, обретаемыми оптом и в розницу за несколько грошей.

Ирония любителя парадоксов вскрывает всю изощренность в выборе средств, к которым «хороший тон» прибегает для сохранения своей власти: «...вникните: сколько вкуса и какая верная идея! ну, что может больше идти к питью вод, то есть к надежде выздороветь, к здоровью, как не цветы? Цветы — это надежды. Сколько вкуса в этой идее. Вспомните текст: „Не заботьтесь во что одеться, взгляните на цветы полевые, и Соломон во дни славы своей не одевался как они, колыми паче оденет вас Бог”. В точности не упомню,<sup>12</sup> но какие прекрасные слова!» (23, 87).

Лицемерие праздной толпы, увядшее от духовных заветов Священного Писания, создает внешнюю видимость опоры на него и подменяет духовный источник — источником, целебным при физических недугах. Заглавие раздела об «обществе хорошего тона» «Что на водах помогает: воды или хороший тон?» — отнюдь не ставит проблему выбора в ответе на вопрос. Это заглавие — извлечение из суждений героя, завершающих раздел об «искусственном саду» и «искусственных людях». При этом им иронически подчеркивается, что сама идея сопоставить лечебное действие вод и хорошего тона принадлежит не ему: она рождается у курортных целителей, пораженных той же духовной болезнью, что и их пациенты («...еще неизвестно, что главное на водах помогает: воды или хороший тон. Даже доктора здешние сомневаются, чему отдать преимущество, и вообще трудно и выразить, какой огромный прогрессивный шаг сделала в наш век медицина: у нее теперь родились даже идеи, а прежде были одни лекарства» — 23, 88).<sup>13</sup>

---

лии: «...истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное (...) Смотрите не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного» (Мф. 18:3, 10). Ср.: Там же, 19:13—15; Лк. 17:2.

<sup>12</sup> В Евангелии: «Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них; если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, колыми паче вас, малoverы!» (Мф. 6:28—30). Ср.: Лк. 12:27—28.

<sup>13</sup> Это суждение героя о курортных целителях может быть соотнесено с более ранним высказыванием Достоевского: «Врач N. N. хвалится, что держит кабинет для приема больных

Образ искусственного сада и его обитателей, отвратившихся от духовных заветов Священного Писания как целительного источника, вновь возвращает нас к Книге пророка Исайи: «...отступникам и грешникам — погибель, и оставившие Господа истребятся. Они будут постыжены за дубравы, которые столь вожделенны для вас, и посрамлены за сады, которые вы избрали себе; ибо вы будете, как дуб, *которого* лист опал, и как сад, в котором нет воды» (Ис. 1:28—30).

Но если ранее, в апрельском выпуске, взгляд героя на мир был почти безнадежно трагичен, теперь, три месяца спустя, безнадежность уступает место совсем другому чувству. Искусственному саду раздела «Что помогает на водах...» в дальнейших суждениях любителя парадоксов противопоставлен Сад (теперь уже — с прописной буквы), в котором непременно будет обитать человечество, Сад «под золотым солнцем и виноградниками (...) с деревьями, с перепелками» (23, 95—96) и духовно возрожденными людьми: «...не знаю, как это всё будет, но это сбудется, Сад будет. Помяните мое слово хоть через сто лет и вспомните, что я вам об этом в Эмсе, в искусственном саду и среди искусственных людей, толковал. Человечество обновится в Саду и Садам выправится...» (23, 96).

Тема Сада, в котором будут царить бескорыстная любовь и правда, вновь отсылает читателя к Священному Писанию: «...доколе не излечится на нас Дух свыше, и пустыня не сделается садом, а сад не будет считать лесом. Тогда суд водворится в этой пустыне, и правосудие будет пребывать на плодоносном поле. И делом правды будет мир, и плодом правосудия — спокойствие и безопасность вовеки» (Ис. 32:15—17. Ср.: Лк. 13:18—19).

Восходит к библейскому тексту и мотив обновления человечества, неразрывно связанный в признаниях любителя парадоксов с темой Сада («...надеющиеся на Господа обновятся в силе: поднимут крылья, как орлы, потекут — и не устанут, пойдут — и не утомятся»; «...и будет Господь вождем твоим всегда, и во время засухи будет насыщать душу твою и утучнять кости твои, и ты будешь, как напоенный водою сад и как источник, которого воды никогда не иссякают» — Ис. 40:31; 58:11).

Сад с обновленным человечеством — это рай, Эдем.<sup>14</sup> Путь в этот Сад, исцеление от язвы духовной, лежит через покаяние, через очищение от грехов.<sup>15</sup>

Надежда героя на нравственное обновление человечества, от которой, казалось бы, он был так далек в апрельском выпуске «Дневника...», рождается летом 1876 г. Ее появление самым тесным образом связано с восприятием Достоевским добровольного общерусского еди-

---

секретными болезнями; вот бы сказать ему: „врачу, исцелился сам!“» (21, 267. Записная тетрадь 1872—1875 гг.). Несомненна и связь обоих суждений с евангельским текстом: «Он сказал им: конечно, вы скажете Мне притомление: врач! исцели Самого Себя...» (Лк. 4:23).

<sup>14</sup> О высшем значении сада какрая, Эдема, см.: *Лихачев Д. С.* Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей. Л., 1982. С. 17.

<sup>15</sup> Думается, теперь с уверенностью можно сказать, что мотив «посланичества» (см. выше), появившийся в набросках к замыслу «Мечтатель» в ноябре 1876 г., во многом обусловлен уже состоявшимся анализом современного мира любителем парадоксов.

нения как свидетельства очищения русского общества от разъединяющих людей духовных язв: связующие начала внутри нации преодолели множество разъединяющих ее барьеров. Проявление созидательных способностей этих начал вновь говорило о жизнеспособности русской идеи. Тема Сада в суждениях любителя парадоксов — прямое следствие событий текущей действительности. Свидетельство тому — в признаниях как героя, так и автора июльско-августовского выпуска «Дневника...».

Заканчивая свой монолог о грядущем обновлении человечества, любитель парадоксов говорит: «...если я вижу где зерно<sup>16</sup> или идею будущего — так это у нас, в России. Почему так? (...) благодаря согласию земли. Вот на это-то согласие я бью и во всем остальном (...) я и летом даже еще здесь (в Эмсе. — Г. Г.) боялся, чтоб с нас всё это братство вдруг как-нибудь не соскочило. Но теперь, — теперь даже уж и я не боюсь (...) Согласию-то этому нашему, всеобщему и столь, так сказать, *внезапному*, трудно бы было поверить, если б даже кто и предсказывал. А меж тем совершившееся совершилось» (23, 98, 100—101).

Беседу с любителем парадоксов в июльско-августовском выпуске «Дневника...» Достоевский завершает разделом «Post scriptum». Это добавление автора к беседе с героем — подтверждение полного совпадения их взглядов на целительное значение лета 1876 г.: «Всякая высшая и единящая мысль и всякое верное единящее всех чувство — есть величайшее счастье в жизни наций. Это счастье посетило нас. Мы не могли не ощутить всецело нашего умножившегося согласия, разъяснения многих прежних недоумений (...) Самые слухи и толки о политическом и социальном разложении русского общества, как национальности, давно уже крепившиеся в Европе, несомненно должны получить теперь, в глазах ее, сильное опровержение: оказалось, что, когда надо, русские умеют и соединяться» (23, 104).

Мечта парадоксалиста об исцелении современного общества от духовной язвы и гнойных ран, о нравственном обновлении мира единит обе его беседы с автором. Уходя своими корнями в текст Священного Писания, она рождается на русской почве и вбирает в себя важнейшую для Достоевского проблематику, связанную с исторической миссией России.

---

<sup>16</sup> Ср. в Евангелии: «Он же сказал: чему подобно Царствие Божие? и чему уподоблю его? Оно подобно зерну горчичному, которое, взяв, человек посадил в саду своем; и выросло, и стало большим деревом, и птицы небесные укрывались в ветвях его» (Лк. 13:18—19).